

18+

Арина Лорель

Смерть на воде

Арина Лорель

Смерть на воде

<https://litres.ru/74544583>

ISBN 9785007137485

Аннотация

Шторм отрезает от Карловых Вар санаторий «Прамен», стоящий на скале посреди реки Теплы. Мост заклинен, связи нет, электричество погасло. В доме — десять человек. Среди них частный детектив Ян Хлоустек, живущий под чужим именем. Он выполняет заказ миллионера Богумила Прохазки: собрать компромат на обитателей комплекса. Но в первый же вечер за ужином Прохазка умирает от яда. У каждого есть мотив: долги, подделки, кражи, старые преступления. У каждого есть, что скрывать.

Содержание

Смерть на воде	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Смерть на воде

Арина Лорель

© Арина Лорель, 2026

ISBN 978-5-0071-3748-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Смерть на воде

Глава 1

Непогода пришла с запада. За Огрже она будто ждала своего часа — долго, терпеливо, как хищник у водопоя. И дождалась. Карловы Вары захлебнулись сразу, без прелюдии. Вода поднялась в переулках, забила решётки, вывернула люки, пошла по камню мутными потоками. Те, кто ещё помнил большую воду пятьдесят второго, крестились и молчали: слова тут были лишние. Ветер рвал с крыш черепицу; красные пластины летели вниз, в кипящую воду, и там исчезали. В трубах выло. Не ветер — зверь, запертый в камне.

Тепла — река, которая обычно текла спокойно, зелёная и почти приветливая, — за одну ночь стала неузнаваемой. Она поднялась на метры, вышла из берегов, затопила набережные, подвалы, нижние этажи домов. Вода несла стволы деревьев, вырванные с корнем, обломки мебели, чью-то одежду, мёртвую рыбу. Она пахла илом, гнилью и чем-то ещё — металлическим, тяжёлым, как кровь. Город, который привык к размеренной курортной жизни, к неспешным прогулкам вдоль колоннады, к целебным источникам и вафлям, оказался вдруг беззащитным перед стихией.

«Прамен» держался на скале посреди Теплы. Санаторий для офицеров Первой республики, постройка двадцатых, работа архитектора Кршиженецкого. Он пережил многое: оккупацию, социализм, девяностые, раздел, приватизацию, ремонты и запустение. Теперь здесь был закрытый оздоровительный центр. Тишина, вода, процедуры. Для тех, у кого есть деньги и кому не нужен город.

Здание стояло на гранитной скале, которая поднималась прямо из реки. Внизу, у самой воды, были купальни — деревянные мостки с поручнями, уходившие в реку. Летом здесь купались гости, пили вино на террасе, смотрели на проплывающие лодки. Зимой скала покрывалась инеем, и «Прамен» казался замком из сказки — недоступным, холодным, прекрасным. Но это было только снаружи. Внутри дом давно страдал от сырости, от времени, от равнодушия хозяев. Стены покрылись трещинами, в подвале пахло плесенью, а в коридорах скрипели половицы. Дом старел, и вместе с ним старели его тайны.

Дорога — одна. Мост. Разводной, старый, ещё с Первой республики. Механизм капризничал с рождения, но чинили его редко: то денег нет, то времени, то нужного человека. В десять вечера мост поднимали, и «Прамен» отрезало от города. Так завели первые хозяева — чтобы никто не шатался ночью, чтобы покой, чтобы тайна. Станислав Коварж, владе-

лец нынешний, правило соблюдал свято. Даже когда гости просили, даже когда врач спешил, даже когда сам город то-нул в сумерках.

Но в ту ночь мост поднялся не по правилу.

Сначала что-то щёлкнуло — сухо, коротко, как выстрел под водой. Потом заскрежетало. Шестерни, изношенные за десятилетия, сделали последний оборот и встали. Пролёт замер под углом — сорок пять градусов, ни мост, ни стена. Техник, которого вызвали из города, приехал на велосипеде, мокрый до костей, посмотрел, покрутил рукоятку, заглянул в механизм и только развёл руками. Нужны детали — деталей нет. Нужен сварщик — сварщик не переберётся через реку. Нужно время — времени нет. Он ещё что-то говорил про редуктор, про втулку, про то, что такую сталь теперь не делают, но его слова уже смывало дождём.

А потом ударил шторм.

Он не пришёл — обрушился. Небо стало чёрным, но не пустым: в нём что-то двигалось, ломая ветви, срывая провода, швыряя воду горизонтально. Телефоны смолкли один за другим. Городской — с шипением. Мобильный — с последней палочкой на экране. Радио в кабинете — с треском, в котором ещё минуту угадывались голоса, а потом не осталось

ничего, кроме помех. Электричество мигнуло трижды и погасло. Свет аварийных ламп казался оранжевым и слишком слабым.

«Прамен» стал островом. Десять человек. Ни одного пути наружу. И никакого срока, когда он появится.

В вестибюле пахло мокрой шерстью, воском и хлоркой. Кто-то принёс свечи, кто-то — одеяла. Вода в Тепле поднялась так, что скала гудела. За окнами река несла ветки, доски, чей-то перевернутый стол. И где-то далеко, за стеной дождя, в городе, о них, возможно, уже забыли. Или ещё нет.

Коварж стоял у окна и смотрел на заклинивший мост. Он думал не о гостях, не о деньгах, не о страховке. Он думал о том, что в пятьдесят втором его отец тоже стоял у окна — только в другом доме, ниже, ближе к воде. И что тогда вода пришла ночью. И что утром они считали не убытки, а людей.

Он обернулся к тем, кто ждал в полутьме. Их было десять. Пока десять.

— Никто не выходит, — сказал он. — Никто не подходит к мосту. И никто не паникует.

Никто не спорил. Только дождь бил в стёкла, и старый

дом, стоявший на скале уже сотню лет, впервые, кажется, не был уверен, что переживёт эту ночь.

Глава 2

Ян Хлоустек стоял у приоткрытой створки и смотрел вниз. Не курил — просто дышал сырым воздухом, потому что в номере пахло старым деревом, пылью и чужим мылом. Тепла за ночь переменялась. Ещё вчера это была река — зелёная, холодная, почти приветливая. Теперь под окнами шла грязная, злая вода. Она тащила сучья, листву, чей-то перевёрнутый ялик, обрывки брезента. Волны дотягивались до первой террасы. Пена лизала ступени купален, и в этом прикосновении было что-то жадное.

Он жил здесь три дня.

Три дня назад поезд из Праги выгрузил его на вокзале Карловых Вар. Он поднялся по мосту в «Прамен», неся чемодан и чужое имя. В сейфе лежал паспорт на Яна Новака, брненского коммерсанта. Настоящую фамилию знали двое в Праге. Оба, вероятно, уже набирали его номер и слушали гудки. Или тишину сети. Или просто молчали, потому что в таких делах молчание дешевле.

Хлоустек не был сыщиком из телевизора. Ни виски в ящике стола, ни секретарши на коленях, ни погони по крышам. Пятьдесят три года, седина, сухощавая фигура, очки в тон-

кой золотой оправе. Костюмы он заказывал у одного портного на Водичковой — двадцать лет у одного и того же. Вёл финансовые дела: недостачи, фиктивные счета, подписи, которых не было. Клиенты появлялись без шума, по рекомендации, и исчезали так же, унося папки. Иногда после таких папок рушились семьи. Иногда — карьеры. Он не спрашивал, что именно. Вопросы не входили в гонорар.

Этот заказ выбивался из привычного.

Месяц назад в контору вошёл старик. Назвался паном Прохазкой. Говорил негромко, в глаза не смотрел. Но в том, как он выговаривал имена, было столько вязкой, терпеливой злобы, что Хлоустек поёжился, будто от сквозняка.

— Проверьте десять человек, — сказал он. — Все в Карловых Варах, в «Прамене». Вот список. Мне нужно всё: прошлое, связи, долги, слабости. Особенно слабости. И то, что они предпочли бы забыть.

Хлоустек развернул лист. Десять имён. Ни одно ни о чём не говорило. Обычные чешские фамилии, как камни на речном дне: с виду одинаковые, а под водой — своё.

— Для чего? — спросил он.

Прохазка улыбнулся. За весь разговор — первый раз.

— Я куплю этот комплекс. Всех уволю. Но сначала хочу знать, кому не стоит давать второй шанс.

Хлоустек взял заказ. Почему Прохазка пришёл именно к нему и почему выбрал такой путь — он не спросил. Он собрал чемодан, сел в поезд и поселился в «Прамене» как Ян Новак, коммерсант, которому нужны покой и вода.

Три дня он смотрел. Слушал. Записывал в блокнот, который держал во внутреннем кармане пиджака. Три дня он собирал чужие грехи.

Он уже знал, кто из них пьёт, кто врёт о своём возрасте, кто боится собственной тени. Знал, что владелец, Коварж, каждое утро обходит территорию, будто проверяет, не ушла ли скала из-под дома. Знал, что врач санатория, тихий человек с усталыми глазами, по ночам сидит в ординаторской и перечитывает старые карты. Знал, что одна из гостей, женщина с седым пучком, никогда не снимает перчатки, даже за обедом. Мелочи. Но из мелочей потом вырастают папки.

А теперь он стоял у окна, смотрел на взбесившуюся реку и понимал: он на острове. С ним ещё девять. И у каждого, скорее всего, есть свой счёт к Богумилу Прохазке.

Если Прохазка — это действительно Прохазка.

Эта мысль пришла ночью, когда мост заклинило. Сначала Хлоустек услышал скрежет — металлический, болезненный, будто кто-то ломал старую челюсть. Потом всё стихло. Свет мигнул. Телефон в кармане пиджака издал короткий писк и умер. За окном ветер сорвал с крыши черепицу, и она полетела вниз, в чёрную воду.

Хлоустек не вышел в коридор. Он остался у окна. Так было безопаснее. Внизу, в вестибюле, кто-то бегал, кто-то спрашивал про генератор, кто-то ругался. Голоса гасли в шуме дождя. А он смотрел на мост — застывший, перекошенный, бесполезный — и думал о списке.

Десять имён. Десять человек. Он сам — один из них. Прохазка знал это? Или просто совпало? Хлоустек не верил в совпадения. Он верил в счета, подписи и чужие слабости. Но здесь, на скале посреди реки, всё начиналось заново.

Он достал блокнот. Пролистал. На последней странице, мелким почерком, были выписаны имена. Против каждого — короткая пометка. Долг. Ложь. Свидетель. Ничего больше. Пока ничего.

За стеной, в коридоре, слышались шаги. Тяжёлые, неторопливые. Кто-то остановился у его двери. Хлоустек замер. Не из страха — из привычки. Шаги постояли и двинулись дальше. Скрипнула половица. Потом тишина.

Он закрыл блокнот и убрал его во внутренний карман. За окном вода всё прибывала. Тепла больше не была рекой. Она была чем-то другим — тёмным, голодным, нетерпеливым. И где-то в глубине этого шума, за пеленой дождя, лежал город, отрезанный от них, как и они от него.

Хлоустек поправил очки и тихо сказал в стекло, ни к кому не обращаясь:

— Что ж. Посмотрим, кто из нас первый.

Ответа не было. Только дождь. Только вода. Только старый дом, который скрипел под ветром, будто пересчитывал тех, кто ещё внутри.

Глава 3

Блокнот лежал на столе — раскрытый, как хирургический журнал. Хлоустек придвинул свечу. Электричества не было уже час; в коридорах горели аварийные лампы, но в номере он предпочитал свой свет. Воск капал на жестяной поднос, за окном вода била в скалу, и от этого дом вздрагивал, будто живой. Он пробежал глазами записи за три дня. Писал печатными — привычка. Если блокнот попадёт не в те руки, пусть лучше не узнают почерк. Почерк — это тоже подпись. А подписи Хлоустек не оставлял.

****Станислав Коварж, пятьдесят два. Владелец «Прамена». ****

Грузный, с животиком, который не спасал даже дорогой пиджак. Лицо человека, привыкшего распоряжаться. Голос громкий, смех частый и пустой. Глаза маленькие, бегают: проверяет, какое впечатление производит. В девяностые торговал электроникой. Потом пошла недвижимость. Потом туризм. «Прамен» он взял пять лет назад почти за бесценок: прежний хозяин обанкротился после истории с некачественными процедурами. Коварж хотел сделать из комплекса элитное место. Не вышло: далеко от центра, дорого, клиент капризный. Бумаги, которые Хлоустек просмотрел

до отъезда, говорили о долгах, скрытых кредитах и мутных сделках. Коварж держался на краю. Ещё немного — банки потребуют своё. А своего не было. Каждое утро он обходил территорию, будто проверял, не ушла ли скала из-под дома. Скала была единственным, во что он ещё верил.

****Магда Коваржова, двадцать девять. Жена хозяина.****

Стройная, пепельные волосы стянуты в тугой пучок. Лицо показалось Хлоустеку знакомым. Не сразу понял чем: то ли взглядом, то ли привычкой наклонять голову. Она почти не разговаривала. Улыбалась — вежливо, отстранённо, будто оказалась здесь по ошибке и сама не знала зачем. Раньше работала медсестрой в Пльзене. Два года назад вышла за Коваржа. И всё. Ни скандалов, ни долгов, ни пятен. Биография гладкая. Слишком. Улыбка у неё была как перчатка: снимала только в пустой комнате. Хлоустек отметил это и подчеркнул дважды.

****Эмиль Грушка, пятьдесят восемь. Главврач.****

Из тех, чья жизнь сломалась в один день. Пять лет назад его знали как уважаемого врача, заведующего отделением в Карловых Варах. Потом умер пациент. В крови нашли алкоголь. Грушка уверял, что выпил уже после смены, но лицензии его лишили. С тех пор он перебивался случайными за-

казами, пока Коварж не позвал в «Прамен» — без оформления, за наличные. Грушка согласился. Пил он сильно: это читалось по лицу, по дрожи в руках, по остановившемуся взгляду. Но другого врача на острове не было. Он смотрел на воду так, будто ждал, что она принесёт ему прощение. Или забвение. Или просто ещё один стакан.

****Иржи Достал, пятьдесят пять. Политик.****

Кандидат в сенат от небольшой партии. Обещал покончить с коррупцией и вернуть власть народу. Кампанию оплачивали из непонятных источников. Хлоустек потратил два дня и выяснил: деньги шли от строительных фирм, которые получали госконтракты. Достал — высокий, седой, с тем самым «народным» лицом: открытым, честным, чуть усталым. Говорил редко, но веско. И всё время косился на дочь. Он умел молчать так, что молчание казалось программой. Хлоустек записал: «Слишком чистый. Проверить связи с фирмами».

****Каролина Досталова, двадцать шесть. Фотограф.****

Красивая без усилий: тёмный хвост, светлые глаза, лёгкая улыбка. Хлоустек знал о ней больше, чем хотел. Два года назад она разыграла нападение на себя — ради страховки. Дело погасили. Отец постарался. Осадок остался. Держалась Ка-

ролина уверенно, почти дерзко. И Хлоустек отметил, как она смотрит на Петра Чермака. В её объективе, если верить слухам, люди получались честнее, чем были. Или просто мертвее. Он не стал записывать эту мысль. Но запомнил.

****Петр Чермак, тридцать один. Сомелье.****

Тёмные волосы, глаза человека, который никому не верит. Работал в лучших пражских ресторанах. Потом его поймали на краже вин из частной коллекции. Коллекционер оказался влиятельным. Чермак избежал тюрьмы, но потерял всё. Теперь подбирал вина в «Прамене». И, если верить слухам, не бросил старых привычек. Он разбирался в винах лучше, чем в людях. Или наоборот — слишком хорошо, чтобы доверять. Хлоустек подчеркнул: «Кража. Повтор?»

****Ольга Суханек, семьдесят один. Профессор истории.****

Седые волосы уложены аккуратно. Когда-то лицо было красивым. Говорила тихо, но с уверенностью человека, десятилетия просидевшего в университете. Тридцать лет назад её монография о гуситах сделала ей имя. Потом выяснилось: значительная часть текста списана у чешского историка, погибшего в пятидесятых. Скандал замяли. Репутация осталась с трещиной. Она говорила о прошлом так, будто сама его переписала — и не раз. Хлоустек отметил: «Плагиат.

Но не это главное. Что ещё она скрывает?»

****Ленка Власак, двадцать пять. Горничная.****

Тихая, нелюдимая, бледная. Глаза всегда в пол. Хлоустек знал: она скрывается от полиции. Документы поддельные, имя чужое. Настоящую историю он до конца не выяснил. Что-то с деньгами, обманом, побегом. В «Прамене» она появилась полгода назад и почти не выходила за территорию. Она двигалась по коридорам как тень, которая боится, что её заметят и вернут на солнце. Хлоустек записал: «Полиция. Проверить по базе. Осторожно.»

****Франтишек Бенеш, сорок восемь. Повар.****

Крупный, коротко стриженный, шрам на щеке. Бывший военный, служил в спецназе. Ушёл или был уволен после инцидента, о котором молчал. Хлоустек знал: на учениях погиб солдат. Бенеша признали виновным в «неустановленных отношениях». Подробности не было. Но и этого хватало. Он резал овощи так, будто перед ним всё ещё стоял человек. Хлоустек подчеркнул: «Опасен. Не провоцировать.»

****Богумил Прохазка, шестьдесят. Миллионер.****

Тот, кто нанял Хлоустека. Тот, кто приехал в «Прамен»

под видом пенсионера. Тот, кто собирался купить комплекс и уволить всех. Но Хлоустек чувствовал: здесь не вся правда. Что-то ещё. Что-то, что Прохазка не сказал даже ему. Он говорил о втором шансе так, будто сам никогда его не давал. Хлоустек записал только одно слово: «Зачем?»

Он закрыл блокнот. За окном вода всё прибывала. Тепла больше не была рекой. Она была чем-то другим — тёмным, голодным, нетерпеливым. В коридоре скрипнула половица. Хлоустек поднял голову. Шаги. Тяжёлые, неторопливые. Кто-то остановился у его двери. Постоял. И двинулся дальше.

Хлоустек пересчитал имена. Десять. В списке — десять. На скале — десять, если не считать его самого. Но он здесь. Значит, одного из списка нет. Или кто-то назвался чужим именем. Или Прохазка знал больше, чем сказал.

Он поправил очки и тихо произнёс в стекло, ни к кому не обращаясь:

— Десять имён. Одиннадцать теней. Посмотрим, кто из вас первый.

Ответа не было. Только дождь. Только вода. Только старый дом, который скрипел под ветром, будто пересчитывал

тех, кто ещё внутри.

Глава 4

В «Прамене» вечерняя трапеза начиналась в семь. Зал на первом этаже — высокий, просторный, с окнами во всю стену. В ясный день оттуда видно излучину Теплы, дома напротив, костёл Святой Марии Магдалины над черепицей. Сегодня стекло затянуло серым. Дождь бил так, будто снаружи кто-то просился внутрь. Ветер дёргал рамы, и они отвечали тонким дребезгом. Свечи в канделябрах горели неровно, тени ходили по стенам, как ещё одни гости.

За стол сели десять.

Хлоустек оказался на торце. Не выбирал — просто осталось. Отсюда ему были видны все. Как на ладони. Как в протоколе.

Коварж справа. Тёмно-синий пиджак тесен на округлившемся животе. Говорит без пауз: шторм, мост, раньше было не так. Голос гулкий, в пустом зале отскакивает от стен. Хлоустек подумал: он не выносит тишины. В тишине ему придётся слушать себя. А слушать себя Коварж не умел — и, кажется, боялся.

Магда рядом с мужем. Чёрное платье, ни украшений, ни

косметики. Пепельные волосы стянуты в тугий пучок. Она то поправляла его — короткий, почти незаметный жест, которого сама не замечала. Молчала. Улыбалась вежливо и пусто. Смотрела в тарелку. Но Хлоустек видел: она не ела. Только двигала ложкой по краю, будто рисовала границу.

Грушка напротив. Уже пьян. Хлоустек замечал, как он украдкой прикладывался к фляжке — раз, другой, третий. Руки ходили ходуном. Лоб он вытирал платком, и платок был мокрый насквозь. Старый твидовый пиджак, заплаты на локтях. Человек, давно махнувший на себя. Но когда он смотрел на суп, в глазах мелькало что-то профессиональное — привычка проверять, не пахнет ли, не мутный ли. Он всё ещё был врачом. Даже здесь. Даже таким.

Достал рядом с Грушкой. Костюм, галстук, седина подстрижена. Говорил редко, но с весом. Каждое слово — как камень в воду. Взгляд всё время на дочь — будто проверяет, цела ли. Хлоустек отметил: он не смотрел на Прохазку. Ни разу. Слишком демонстративно не смотрел.

Каролина возле отца. Джинсы, свитер — для такого места слишком просто. Тёмный хвост небрежный. Поглядывала на Чермака. Уголок губ поднимался. Она играла в независимость, но пальцы выдавали: теребила салфетку, складывала её вчетверо, потом разворачивала. Хлоустек знал: она

чувствует себя чужой. И хочет, чтобы это заметили.

Чермак в конце стола. Чёрная рубашка расстёгнута. Бокал вина. Пил медленно, будто пробовал не вино, а публику. Тёмные глаза ходили по залу, ни на ком не задерживаясь. Он улыбался одними губами. Хлоустек подумал: он здесь не первый день и уже всех раскусил. Или думает, что раскусил.

Суханек рядом с ним. Серый костюм, брошь. Спина прямая, как на защите. Голос тихий, но не робкий. Так говорят люди, привыкшие, что их слушают. Она единственная, кто ел с аппетитом. И единственная, кто ни разу не взглянул в окно. Будто шторм был частью её лекции.

Ленка у стены. Чёрное платье, белый фартук. Руки сложены. Глаза в пол. Ждала поручения. Она двигалась бесшумно, но Хлоустек заметил: когда Магда проходила мимо, Ленка вздрогнула. Едва-едва. Как от сквозняка.

Бенеш на кухне. Через приоткрытую дверь видно: крупный, стрижен коротко, шрам на щеке. Над плитой он двигался, как сапёр над проводом. Ни одного лишнего движения. Ни одного звука. Только нож по доске — ровно, мерно, как метроном.

И десятый. Прохазка. Сидел напротив Хлоустека. Мол-

чал.

Хлоустек весь вечер изучал его. Невысокий, сухой, седой. Лицо без выражения. Не улыбался, не хмурился, ни на ком не задерживал взгляд. Ел суп, поданный Магдой. Молчал. Странно. Для Хлоустека он был клиентом. Здесь — просто гость. Приехал два дня назад: «Богумил Прохазка, пенсионер из Праги». Второй этаж. Никто не знал, что он миллионер и хочет купить комплекс. Никто, кроме Хлоустека. И никто не знал, что именно его они должны ненавидеть. Но Хлоустек чувствовал: это не вся правда. Что-то ещё.

Что-то, что Прохазка не сказал даже ему.

Магда разливала суп. Обходила стол с супницей. Движения плавные, отработанные. Каждому — улыбка. Глаза холодные. Когда она наклонялась, Хлоустек видел, как на её запястье бьётся жилка. Часто. Слишком часто для человека, который просто разливает суп.

Когда она остановилась у Прохазки, он поднял голову.

Взгляды пересеклись.

Хлоустек это поймал. Не страх. Не узнавание. Что-то старшее и глубже. Как будто двое уже встречались — давно, в дру-

гой жизни — и совсем не хотели повторения. Магда не отвела глаз. Прохазка тоже. Секунда. Две. Три. В зале стало тихо, будто кто-то убавил звук.

Магда налила суп. Отошла. Плечи у неё были чуть выше, чем минуту назад.

Прохазка взял ложку.

Хлоустек попробовал. Тыквенный крем с имбирём. Вкусно. Горчинка — приятная. Он отметил: соль в норме, перец едва уловим, имбирь не перебивает. Бенеш знал своё дело.

Потом Прохазка схватился за горло.

Ложка звякнула о край тарелки. Суп плеснул на скатерть — оранжевое пятно на белом. Прохазка дёрнулся, опрокинул бокал. Вино потекло по столу, густое, тёмное. Он попытался встать, но ноги не слушались. Грушка вскочил первым — трезвый, как будто и не пил весь вечер. Каролина вскрикнула. Коварж что-то заорал, но слов было не разобрать. Ленка застыла у стены, прижав руки к груди. Магда стояла с супницей, и лицо у неё было белое, как скатерть.

Хлоустек не двинулся с места. Он смотрел на Прохазку. Тот хрипел, цеплялся за край стола, и в глазах у него было

не удивление. Не боль. Что-то другое.

Узнавание.

Он смотрел не на Хлоустека. Он смотрел на кого-то за его спиной. Но там никого не было. Только тёмное окно, дождь и отражение свечей.

Потом Прохазка затих.

Глава 5

Умирал он недолго.

Прохазка рванулся вверх — так, что стул отлетел и с грохотом ударился о стену. Пальцы вцепились в скатерть, оставили на белом четыре борозды. Рот открылся, но звука не было. Только хрип, похожий на пар, вырывающийся из чайника. Лицо налилось синевой — сначала губы, потом щёки, потом веки. Глаза стали круглыми, как у рыбы, выброшенной на лёд. Он осел на пол, выгнулся дугой — резко, до хруста в позвоночнике, — и забился. Свечи в канделябрах дрогнули, будто от сквозняка, хотя окна были закрыты. В зале стало тихо. Так тихо, что стало слышно, как капает суп с опрокинутой ложки.

Грушка оказался рядом первым.

Он опустился на колени, нащупал запястье. Пальцы у него ходили ходуном — от спиртного или от испуга, не разобрать. Но движения были профессиональными: два пальца на сонную артерию, взгляд на зрачки, ладонь на грудь. Он считал секунды. Хлоустек видел, как шевелятся его губы. Раз. Два. Три.

— Назад! — гаркнул Грушка. — Все назад!

Поздно.

Тело выгнулось ещё раз — коротко, сухо, как будто внутри что-то лопнуло, — и обмякло. Голова стукнулась о полосу. Из рта вытек тонкий ручеек пены, розовый от крови. Грушка поднялся. Лицо у него было как мел, и в эту минуту он был трезв, как никогда.

— Всё, — сказал он. — Мёртв.

Никто не шевельнулся.

Хлоустек смотрел на лежащего. Прохазка застыл на боку, поджав одну ногу. Лицо перекошено, пальцы скрючены, будто он тянулся за чем-то, чего не видел. Рядом — ложка. С неё капало. Оранжевое пятно на скатерти расползлось, как карта чужой страны. В воздухе пахло тыквой, имбирём и чем-то ещё — металлическим, тяжёлым. Хлоустек знал этот запах. Так пахнет смерть, когда она приходит быстро.

Отравление.

И сделал это кто-то из тех, кто сейчас стоял в зале.

Он прошёлся глазами по лицам. Медленно. Как в участке, когда приводили свидетелей и нужно было понять, кто врёт, ещё до первого вопроса.

Коварж — у стены, руки скрещены. Лицо каменное, но на шее бьётся жилка. Часто. Слишком часто. Он смотрел на тело, но не видел его. Он смотрел внутрь себя — и то, что он там находил, ему не нравилось.

Магда — рядом с мужем. На тело не смотрела. Смотрела в окно. На реку. Спокойно. Слишком спокойно. В одной руке она всё ещё держала супницу, и Хлоустек отметил: пальцы не дрожат. Ни капли. Будто она держала не горячий фарфор, а холодный камень.

Достал что-то быстро шептал дочери, держал её за руку. Каролина кивала. Глаза у неё были круглые, но не от ужаса — от азарта. Хлоустек видел таких раньше: люди, для которых чужая смерть — это кадр. Она уже смотрела на Прохазку так, будто прикидывала ракурс.

Чермак у буфета. Наливал вино. Руки твёрдые. Он не смотрел на труп. Он смотрел на Магду. И в этом взгляде было что-то, чего Хлоустек не смог прочитать. Восхищение? Подозрение? Или просто привычка оценивать.

Суханек сидела на своём месте, ладони на коленях. Взгляд на труп. Что в этом взгляде — не поймёшь. Любопытство? Хлоустек не был уверен. Она единственная, кто не отшатнулся и не побледнел. Она смотрела на смерть так, как смотрят на старую рукопись: с интересом, но без удивления.

Ленка вжалась в стену. Ладонь закрывала рот. Колотило её крупно, как в лихорадке. Она смотрела не на Прохазку, а на супницу в руках Магды. И Хлоустек понял: она что-то знает. Или думает, что знает. Или боится, что теперь очередь за ней.

Бенеш вышел из кухни, вытирая руки о фартук. Увидел. Остановился. Лицо не дрогнуло. Только желваки заходили под кожей — раз, другой. Он посмотрел на тело, потом на супницу, потом на Магду. И ничего не сказал.

— Что тут? — спросил он наконец.

— Мёртв, — сказал Грушка. — Отравили.

— Чем?

— Не знаю. — Грушка глянул на супницу. — Может, еда...

— Ели все, — сказал Хлоустек. Голос ровный, хотя сердце частило. — Никого больше не вывернуло. Значит, отравы была только у него в тарелке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.